

Александр Алексеевич Богданов

На перепутье

Александр Алексеевич Богданов

На перепутье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4673511

Аннотация

«Квартирный хозяин, Павел Моисеич, прозванный за свою наружность и беспокойный нрав Пал Мосев Сутяга, Волдырий Нос, – плюгавый и вихроволосый мещанин, торговавший старьем на базаре, расхаживал по комнате, тыкал перед собой железной палочкой и отбирал у жильца все, что было можно, – даже книги...»

Александр Алексеевич Богданов

На перепутье

(Отрывок из повести)

Квартирный хозяин, Павел Моисеич, прозванный за свою наружность и беспокойный нрав Пал Мосев Сутяга, Волдырий Нос, – плюгавый и вихроволосый мещанин, торговавший старьем на базаре, расхаживал по комнате, тыкал перед собой железной палочкой и отбирал у жильца все, что было можно, – даже книги.

Чапурин, задолжавший за два с лишним месяца, молча и мрачно сидел на желтом липовом облупленном стуле.

Пал Сутяга, с значительным выражением на лице, вздергивал черные от нюхательного табаку ноздри, шлепал глубокими прорванными калошами, надетыми на босую ногу, и простуженным, визгливо-бабьим фальцетиком говорил:

– В коммерции, господин студент, первое дело-оборот рублю-с... Сами изволите сосчитать, – два месяца и шесть ден – восемь рублей восемьдесят одна копеечка... Де-еньги, не щепки-с!.. Верьте совести, иной раз через недостаток наличности только одни убытки принимаешь. Ей-богу-с... Вы уж не извольте обижаться!.. Что у вас там!.. Книжечки?..

То-то и есть!.. Куды их мне?.. Нешто ради, так сказать, уважения к вашему бедственному состоянию... Татарам на пуды... Так-то, господин студент!

Чапурин не слушал, что говорил Сутяга. Равнодушными, плохо понимающими глазами он вяло следил, как Сутяга перевязывает бечевкой книги, завертывая в бумагу отдельно подрамники от портретов, и скатывает на постели старое, заношенное одеяло с подушкой.

По уходе Сутяги Чапурин взял связку писем, – все, что у него осталось, – разорвал их и бросил в истопленную осевшую голландку. Потом надел выцветшую поярковую шляпу и вышел из комнаты.

Целый день он бродил под холодным осенним солнцем по городу с тупой болью в голове и с таким ощущением, как будто все это происходит с ним во сне. Надежды на чью-либо помощь не было. Большинство товарищей находилось в ссылке, в тюрьме или за границей.

Вечером, когда усталость и голод обессилили Чапурина, мучительный вопрос остро встал перед ним: где найти ночлег?

Соображая, что идти некуда, он после больших колебаний решил отправиться в единственное место, где могли его принять: известную ему конспиративную квартиру партийной типографии.

Соблюдая осторожность, чтобы не быть замеченным уличными филерами, он прошел в глухую окраину горо-

да, заселенную слободскими жителями. Обогнув несколько кривых, грязных и темных переулков, остановился против небольшого двухоконного – похожего на сарай – флигеля. С одной стороны к флигелю примыкал пустырь, поросший лопухом, крапивой и сорными травами, с другой – вытянутые в одну линию лабазы с накатною крышей.

Чапурин долго смотрел на закрытые ставни флигеля, решая вопрос: входить или нет. Потом, продолжая с подозрительностью наблюдать, не следит ли кто за ним на улице, негромко постучал железной щеколдой двери.

Вскоре внутри флигеля послышался легкий шум. Тихо задвигались просунутые сквозь стенку внутрь болты, и плотнее прикрылись ставни. На мгновение вспыхнул свет и вырвался в узкую щель тонкой золотой стрелой. Свет погас, вспыхнул еще раз, погас, – и все стихло.

Чапурин постучал настойчивее.

Тяжелая дверь из комнат в сени заскрипела на ржавых петлях. Глухие шаги зашаркали в сенях. Знакомый голос старого типографщика, рабочего Иннокентия, прозываемого Галеркой, упал в пустоте отрывисто и тревожно:

– Кто там?..

Чапурин вспомнил нужный пароль и ответил:

– Свои!.. «От Демьяна и Кравицы...»

Иннокентий суетливо завозился в сенях. Через дверь, Чапурина было слышно его тяжелое сопенье и торопливые движения рук, отвязывавших от железной скобы, деревянный

брусок, которым для большей крепости подпиралась дверь.

«Однако же!.. Живут с предосторожностями!..» – подумал Чапурин в ожидании, когда ему отопрут, и оглядываясь в последний раз назад, чтобы удостовериться, нет ли кого на улице.

В темных сенцах он столкнулся вплотную с Иннокентием. Грубый, сдержанно-тревожный голос произнес полушепотом:

– Фу, черт! Мы уж думали – полиция... Что такое?

Чапурин в потемках ощупью двигался вдоль узких и тесных сеней и, найдя дверь, вошел в комнату. Вскоре следом за ним явился и Иннокентий.

Второй обитатель квартиры, товарищ Николай, зажигал в прозеленевшем медном шандале свечу.

Дрожащий красноватый отблеск запрыгал по комнате. В неясном освещении Чапурин рассмотрел теперь обоих: Иннокентий – босой, с черной копною густых волос, в чумазах серых, из деревенского грубого холста, штанах, – плотный, коренастый, с сухими широкими скулами, на которых торчали из-под низу жесткие кустики бороды. В нем чувствовалась сила, самоуверенность и спокойствие.

Николай – тонкий, тщедушный интеллигент, худой, с острым лицом и глубокими, горящими, как у фанатика, глазами, нервно-подвижный. Он был в несвежем полотняном белье и в коричневых наскоро надетых носках.

– Что случилось?.. – спросил он Чапурина, и ожидаю-

щие ответа глаза его вспыхнули нетерпеливым лихорадочным блеском.

Чапурин, прежде чем ответить, устало опустился на табурет около стола, заваленного кипами неразрезанной приготовленной для печати бумаги.

Ему вдруг стало стыдно, глядя на этих встревоженных людей, за то, что он так неурочно ворвался в типографию и произвел переполох. Такой поступок в его глазах равнялся почти преступлению.

Раскаяние, смущение и непонятный страх овладевали Чапуриным. Он жалко согнулся, втянул голову в плечи и нелепо взмахнул руками, как бы ища опоры. Движение рук самому показалось ненужным и бессмысленным. Он опустил их, сжал крепко пальцами острые углы худых колен и в замешательстве заговорил:

– Успокойтесь, товарищи!.. Никакой опасности!.. Я пришел... Я хотел просить вас, чтоб разрешили переночевать.

Голос его беспомощно срывался, и в глазах уже были готовы застрять мешающие, беспомощные слезы.

Иннокентий стоял, плотно сжав крупные губы и сосредоточенно поднимая широкие, сильные плечи.

– А-га!.. Вот что!.. – облегченно проговорил он.

Николай, вытянув тонкую длинную шею, влоборота смотрел на Чапурина. По его запавшим от худобы щекам бежали тени. Он переспросил, все еще не желая верить, что Чапурин осмелился явиться в типографию без партийной на-

добности.

– Позволь!.. Как же так?

– Да, да! – продолжал Чапурин. – Сегодня мне отказали от комнаты. Целый день ходил по улицам... И вот...

– Да как же ты посмел?.. – вдруг перебил его яростно Николай. – Нет, как ты посмел, как посмел?

Он покачнулся на длинных ногах, подался к Чапурину и почти в упор ему стал говорить повышенным, негодующим полусшепотом, опасаясь, что шум будет слышен на улице. – Как мог ты решиться на такой поступок?.. Не понимаю! – Он возбужденно забегал по комнате и замахал руками, как человек, которого больно ударили. – Ты с ума сошел!.. Это же черт знает что такое!.. Это же про-во-кация... Ведь ты же знаешь, что здесь не постоянный двор, а...

Николай хотел сказать «типография», но вовремя сдержался, точно боялся, что стены могут его подслушать.

Он нагнулся, вытянул из-под ноги болтавшуюся штрипку, на которую нечаянно наступил, заправил ее за чулок и с возмущенным видом продолжал:

– Ай-ай-ай!.. Ай-ай!.. Как ты мог!.. Как мог!..

– Но что же мне оставалось делать? – с отчаянием возразил Чапурин. – Замерзнуть на улице вот в этом пальто? Да? Или пойти в участок?..

Чапурин движением головы показал на свое выцветшее летнее пальто с обтертыми белыми нитками на швах. Слова его только усилили негодование Николая.

– Делай что хочешь!.. Ну, замерзни! Ну, пойди в участок!.. Ну, сядь в тюрьму!.. Ну, я не знаю – что!.. Но ведь нельзя же проваливать работу!.. И без того трудно стало конспирировать. Мы здесь ожидаем налетов каждую минуту... держимся каким-то чудом, – на волоске... Фому арестовали... Агитаторская школа провалилась. Районные комитеты существуют только героическими усилиями... Что же это такое?

Чапурин поднялся. Он вспомнил свою недавнюю работу, полугодичное сиденье в тюрьме, лишения, голодовки, – и слова Николая показались незаслуженно-жестокими.

– Так?.. Ты полагаешь, так?.. – в свою очередь, с возмущением заговорил он. – Что организация не должна щадить старых работников?..

Николай перебил его. Оба говорили почти одновременно.

– Организация не может жертвовать общим делом ради интересов отдельной личности.

– Нельзя вышвыривать на улицу своих членов!..

– Организация – не богадельня! Подвергаться риску мы не можем в такое трудное время.

– Товарищи должны считаться с попавшими в нужду – вот как я...

– Э-э... – досадливо отмахиваясь рукой, продолжал Николай. – Никто не смеет срывать общее дело ради личного спасенья, в каком бы положении он ни очутился. И ты во имя того же товарищества, на которое ссылаешься, смеешь

подводить нас?!

Чапурин, не находя аргументов, беспомощно развел руками.

Все время молчавший Иннокентий нашел, что теперь ему необходимо вмешаться в спор, и тоном властного, осуждающего обоих человека сказал:

– Пожалуйста, товарищи, потише!.. Не забывайте, что вас могут слышать с улицы...

Николай и Чапурин смолкли.

Чапурин стоял, опершись на стол, и успокаивал взбужденные спором мысли. Николай с непримиримым видом удалился за дощатую переборку в соседнюю комнату.

– Ну что ж! Дело сделано!.. Поправить все равно нельзя! – начал после молчания Иннокентий, обращаясь к Чапуруну. Лицо его было спокойно, и в тоне речи слышалась серьезная озабоченность.

– Ты, надеюсь, не привел с собой шпииков?..

– Надеюсь!.. – коротко ответил Чапурин. – Неужели ж ты думаешь, что мне интересно быть арестованным вместе с вами?

Иннокентий остался по-прежнему видимо спокоен. Он шурил на вздрагивающий огонь свечи серые непроницаемые глаза и что-то решал.

– Ну хорошо!.. – с мягкой бережностью обратился он к Чапуруну. – Ты ляжешь вот здесь на полу... Нельзя сказать, чтоб у нас было тепло... Переживаем кризис в топливе...

Можешь накрыться пальто, а под голову положишь книги.

– Спасибо!.. – благодарно ответил Чапурин.

Иннокентий после некоторых хлопот раздобыл где-то рваное драповое пальто, книги и неопределенного цвета ковер, который употреблял раньше для упаковки типографских принадлежностей.

Он показал Чапурину на узкое пространство между печью и стеной.

– Ляжешь вот здесь.

Чапурин только сейчас обратил внимание, что вдоль карниза печи расставлены в ряд маленькие круглые жестяные плоски, наполненные матовой застывшей массой.

– Что это такое?.. – спросил он.

– Так, ерунда!.. – ответил Иннокентий. – Наша химия! Ну, устраивайся с постелью да туши огонь. Спокойной ночи!

В дверях Иннокентий остановился и, как бы вспоминая что-то, спросил:

– Ты, может быть, хочешь есть?

Чапурин, голодный с утра, едва сдержал радостное волнение и ответил:

– Если можно, то я, пожалуй, не прочь.

– Ну, конечно, можно!.. Только у нас на этот счет скудно-вато!.. – ответил Иннокентий.

Он достал из простого некрашеного шкафа кусок хлеба.

– Вот все, что могу тебе предложить... Ну, еще раз спокойной ночи!..

Чапурин придвинул полки ближе к карнизу печи, чтоб нечаянно ночью не зацепить их ногами, постелил ковер, потушил свечу и, прикрывшись пальто, лег не раздеваясь, с куском хлеба в руке. Смешанные чувства боролись в нем. По мере того как он утолял голод и согревался, мысли его успокаивались. Не было той заброшенности и отчужденности, которая мучила его утром, когда он бродил по городу.

Скоро он забылся.

Когда Чапурин проснулся, Иннокентий уже сидел за столом и остроотточенным широколезвийным ножом разрезал на квадраты приготовленную для печатания бумагу.

Чапурин поспешно стал приводить себя в порядок, насколько это было возможно в его одеянии, чтобы уйти.

Иннокентий оторвался от работы и повернул к нему большую, прикрытую патлами черных волос голову:

– Уже, товарищ?.. Как спалось?..

– Хорошо. Немного отдохнул.

– Жаль, что ничего не могу предложить тебе на дорогу, – с искренним огорчением добавил Иннокентий. – Нет ни чаю, ни сахару, ни хлеба.

Чапурин покраснел.

– Значит, я съел у вас вчера последний кусок?

Иннокентий добродушно задвигался около стола.

– Пу-стяки!.. Сегодня в обед должен прийти с лисоавкой техник... Принесет аржанов... В чаянии благ вчера послед-

ние деньги на химию употребили...

– Что это за химия?.. – спросил Чапурин.

Иннокентий был в шутливо-добром настроении. Это случилось с ним всегда, когда обострялась нужда. Шутками он ограждался от бед и потому в общежитии был незаменимым товарищем.

Он улыбнулся одними глазами, лицо его продолжало оставаться неподвижным.

– Химия немудреная... Ты же знаешь, что мы опять перешли на мими¹. Вот режем теперь эти коврижки...

Он показал на приготовленную стопку квадратных листов.

– Возврат к прежнему кустарничеству!.. – заметил Чапурин. – Почему же не на станке?

– Старый шрифт сбился, а нового достать негде и дорого!.. – пояснил Иннокентий.

– Та-ак! – протянул Чапурин. – На что же вам химия?

– Удешевление производства!.. – полушутливо, полусерьезно ответил Иннокентий. – Вот скоро оправимся, соберем силы и поставим американку. А пока – Николай сам выделяет трафаретки... Покупает китайскую бумагу, готовится стеариновую массу и потом обрабатывает эту бумагу в массе. Вчера на последние деньги купили для массы три фунта стеариновых свечей... Если сегодня техник подведет насчет денег, – помолчав, добавил он, – то придется, видно,

¹ Мимеограф.

есть стеариновые свечи!..

Лицо Иннокентия в первый раз сложилось в улыбку.

Чапурин чувствовал весь героизм его жизни и работы. Он смотрел на него, на его короткопалые, перепачканные фиолетовой мимеографической краской руки, на сутулые – от постоянной, с детства, работы – плечи и проникался к нему все большим уважением.

Бледный, с обведенными синью глазами, после беспокойно проведенной ночи, вошел Николай, Он держал себя по отношению к Чапурина с некоторой еще неуспокоенной чуждостью. Он до сих пор не мог примириться со вчерашним и в слегка повышенном тоне опять заговорил:

– Ты извини, товарищ Чапурин, но считаю своим долгом еще раз повторить, что такие вещи принципиально недопустимы... Не может организация рисковать ради отдельных лиц... И на будущее время убедительно прошу не повторять подобных опытов...

Слова Николая подняли в душе Чапурина обидную горечь, он вспыхнул, но сдержался и, ничего не ответив, надел шляпу, простился с товарищами и вышел из комнаты.

Иннокентий заботливо проводил его в сени, вышел на улицу, проверил, нет ли кого вблизи, вернулся.

– Спасибо, товарищ, – еще раз простился Чапурин.

– Вот что! – сказал Иннокентий. – Если сегодня с ночевкой будет плохо, иди на Береговой. Там в рогожном складе тебя ребята устроят. Ну, всего хорошего!

На людной центральной улице города Чапурин остановился против стилизованного в декадентском вкусе двухэтажного дома, в одном из подъездов которого у дверей была прибита ярко блестящая медная дощечка с надписью: «Доктор медицины Борис Викторович Лосицкий, хирург. Прием от 10 до 12 ч. утра».

Чапурин поднялся мимо швейцара с золочеными галунами во второй этаж и остановился перед массивной полированной под дуб дверью, на которой была прибита точно такая же медная дощечка, только меньших размеров.

Чапурин испытывал неловкость, когда нервно и часто нажимал на жестяную кнопку электрического звонка.

Лосицкий когда-то числился в ряду лиц, сочувствующих партии, состоял членом нелегального Красного Креста, организации, помогавшей революционерам. Теперь он порвал с партией. Чапурин знал это и все же рассчитывал на какую-нибудь помощь через него.

Горничная в крахмальном фартуке и кружевном воротничке предложила ему раздеться, но Чапурин, не снимая пальто, прошел в приемную.

«А этот буржуй ничего себе устроился...» – неприязненно подумал он, оглядывая обстановку приемной и вспоминая, как он в первый раз познакомился с Лосицким. Лосицкий занимал тогда менее богатую квартиру; у него происходило собрание представителей городского комитета с представи-

телями железнодорожных и союзных организаций по вопросу о всеобщей забастовке.

«Как меняются, однако, времена!..» – раздумывал в ожидании Чапурин и прислушался.

В полуотворенную дверь из кабинета в приемную выглянул краешек лица с одним глазом, и до Чапурина донесся недовольный полусшепот Бориса Львовича.

– Сколько раз я приказывал не принимать просителей!.. Запомни навсегда, что в таких случаях меня нет дома!..

И еще Чапурин расслышал, как горничная виновато оправдывалась:

– Барин, бог же их разберет, что им нужно!..

Чапурин, державший в руках альбом со швейцарскими видами, который он от нечего делать механически перелистывая, при этих словах хлопнул с шумом кожаными крышками и хотел уйти. Но в это время дверь из кабинета распахнулась, и сам Лосицкий в белом халате, из рукавов которого блестели манжеты с рубиновыми запонками, пригласил его жестом в кабинет.

– Прошу, пожалуйста! Ну, чем, дорогой мой, могу вам служить?.. – говорил он, идя рядом с Чапуринным и приглашая его сесть, но не садясь сам.

Он соблюдал внешнюю учтивость и предупредительность в обращении, тщательно стараясь скрыть, как неприятен ему визит, и избегая всего, что могло бы раздражать Чапурина.

Чапурин сел в дубовое, обтянутое кожей кресло и выдвигался

нул вперед узкие плечи. Бурые, покоробленные сапоги торчали лубками из-под его коротких, обившихся зубчиками брюк.

Лосицкий слушал внимательно, избегая смотреть Чапурина в лицо, скользя глазами в сторону, в угол комнаты. Когда же Чапурин кончил говорить, он задумался ровно настолько, сколько было нужно в таком случае, чтобы показать серьезность своего отношения к просьбе, потом пожал плечами, поднял вверх красивые, черные бархатные глаза и с сожалением сказал:

– Верьте, дорогой мой, ничего не могу поделать!.. Прежде всего – я не имею теперь никаких касаний к Красному Кресту!.. А во-вторых, вы, очевидно, не представляете себе, как стал ничтожен приток туда пожертвований!.. На днях краснокрестовские дамы обращались ко мне... Отправляли партию в Олекминск... Ну, что же я мог поделать?.. Удалось достать для пересыльных вот такой ширины штаны и несколько фраков... Не штаны – а прямо кринолины. К-ха! Ну, скажите, пожалуйста, – как вам это нравится?.. Олекминск – и фраки с хвостами!.. Каково?

Чапурин с неприязнью вслушивался в мягкий, журчащий баритон Бориса Львовича, и враждебность нарастала внутри его. Стало сразу невыносимым все: и чистое с пухлыми выбритыми щеками лицо Лосицкого, и изящная эспаньолка на правильном овальном его подбородке, и горьковатый запах эфира, распространявшийся по кабинету, и комфортабель-

ная обстановка – массивный письменный стол, японские вазы в углах, шведский раскладной шкаф с разными отделениями для хирургических, аккуратно разложенных под стеклом инструментов.

Чапурин резко повернулея в кресле.

Лосицкий растерянно смешался и развел руками.

– Дорогой мой!.. Войдите же в мое положение!.. Ведь меня буквально разрывают на части!..

На лице Чапурина обрисовались мучительные складки. Левый глаз несоразмерно уменьшился и судорожно забился, а правый широко и неподвижно уставился на Лосицкого.

Лосицкий испуганно подался к окну. Ему пришла мысль, что Чапурин намеревается устроить скандал и, чего доброго, даже выброситься на мостовую. Он суетливо задвигался, опустил руку в карман жилета, нащупал серебряные рубли и с поспешностью заговорил:

– Голубчик, извините меня!.. Но из своих средств я могу уделить вам очень немного.

Чапурин скользнул глазами по чеканному ребру монеты. Стыд и оскорбление бурно закипели в нем. «Как нищему!..» – пронеслось в его сознании. Он гневно встал и, тяжело переводя дух, сдавленным голосом бросил:

– Пожалуйста, не трудитесь!.. Я слишком много жертвовал в жизни, чтобы принимать милостыню!..

И поспешно, не слушая, что говорит Лосицкий, и не видя, как тот дрожащими пальцами вынимает из кармана еще

скомканную ассигнацию, направился к выходу. Не дожидаясь горничной, он щелкнул английским автоматическим запором и почти бегом спустился по лестнице вниз.

– По-од-лец!.. – крикнул он бешено на улице.

Шумная толпа подхватила его. Он шел, сшибая с тротуара прохожих и ничего не замечая. На мосту через реку, около пригорода, он очнулся. Какой-то господин столкнулся с ним, и удар локтем в руку выше сгиба привел его в себя.

Продолжительные, непрекращающиеся голодовки последнего времени истожили Чапурина, но возбуждение давало ему силы. Он не заметил, как очутился за городом в лесной засеке.

Здесь сразу он почувствовал изнеможение.

Сел на обомшалый, подернутый неоттаявшим инеем пенек.

Осень рассыпала по земле последние краски. В пролетах между деревьями по земле разливались сиренево-фиолетовые тоны. Оголенные осины и березки опускали вниз набухшие от сырости ветви. Около корней и стволов сбивались в кучу мутные тени. А по намету инея разноцветным крапом лежали опавшие листья, – аспидно-грязные, желто-оранжевые и красные.

– Что же делать?.. Долго ли еще влачить вот такую голодную жизнь?

Судорожная спазма стеснила, ему горло.

«Приспособиться к подлости?.. Ха-ха!.. Нет! Бороться,

бороться, пока хватит сил!»

1934